

Иннеса Бабенко

Эстетические метаморфозы исторической достоверности : образ Марины Мнишек в раннем творчестве М. Цветаевой

Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego nr 1, 52-61

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Бабенко Иннеса

**Эстетические метаморфозы исторической достоверности:
образ Марины Мнишек
в раннем творчестве М. Цветаевой**

В статье утверждается, что образ польской пани в русском культурно-историческом дискурсе сформирован под влиянием Марины Мнишек, непосредственной участницы событий Смутного времени. Историческое описание и оценка её личности даны в трудах Н.М. Карамзина, а эстетическая интерпретация и трансформация образа – в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» и в поэзии М.И. Цветаевой. Марина Мнишек – одна из самых ярких лирических героинь стихотворений раннего периода творчества М.И. Цветаевой. Образ Мнишек, созданный поэтессой, демонстрирует ключевую особенность идиостиля автора – максимально сложно и неоднозначно эстетически интерпретировать и трансформировать реальность.

Ключевые слова: культурно-исторический дискурс; эстетическая интерпретация; лирическая героиня; поэтический идиостиль.

Марина Мнишек – жена Лжедмитрия I и II, непосредственная участница и жертва событий Смутного времени России, по признанию многих исследователей, например, Т. Агапкиной¹, Е. Левкиевской², В.Н. Козлякова, К. Душенко и др., стала прототипом образа польской пани в русской литературе и культуре. К. Душенко пишет, что «этот образ существовал в двух основных вариантах: демоническом, начиная с Марины Мнишек в драме Державина “Пожарский” (1806), и лирическом (хрестоматийный пример – Мария Потоцкая в “Бахчисарайском фонтане” Пушкина)»³. Историк В.Н. Козляков в книге, посвященной Марине Мнишек, отметил, что «ненависть к ней современников и потомков во многом несправедлива... Очувтившись в России, Марина Мнишек пропала, непонятая и отторгнутая людьми и временем. Только в облике колдуньи она

¹ Агапкина Т. П. *Образ женщины-польки в русской литературе 1940-х–начала 1970-х гг. / Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре.* – М: Индрик, 2002. – С. 201–216.

² Левкиевская Е. *Мужчина и женщина. Польские стереотипы.* – [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru>.

³ Душенко К. *Зарубежная книга о России: ORLOWSKI J. Z dziejow antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej: Od wieku XVIII do roku 1917.* Warszawa / Новый мир. – 1994. – №5.

стала близкой и понятной своему новому народу, и он тут же заточил ее навеки в Коломенскую башню»⁴.

Судьба польской красавицы и авантюристки была сколь яркой, столь и трагической. Мнишек стала статисткой грандиозной драмы самозванства, существенно повлиявшей на ход российской истории. В памяти народной, по свидетельству энциклопедистов, Марина Мнишек приобрела демонические черты, став «поганою Царицею»⁵, «Маринкой безбожницей», «еретицей» и «колдуньей»: «А злая его (Лжедимитрия) жена Маринка безбожница сорокой обернулася и из палат вон она вылетела»⁶.

В культурно-историческом и научно-историческом курсе весьма сдержано оценивается роль Марины Мнишек в событиях Смутного времени, принято считать, что она была весьма честолюбивой особой, вовлеченной в авантюры государственного масштаба. В опубликованных дневниковых записях и письмах Марина Мнишек скромно величает себя царицей московской, поскольку была венчана на царство, то есть стала Великой Государыней Марией Юрьевной, еще не став венчанной супругою Самозванца. Она честно пишет в феврале 1610 года, обращаясь к тушинскому «воинству»: «я уезжаю, как для защиты доброго имени, добродетели, сана – ибо, будучи **владычицей народов, царицей московской**, возвращаться в сословие польской шляхтенки и становиться опять подданной не могу»⁷. Сыграв однажды роль русской властительницы, она так вошла в роль, что даже угроза жизни не смогла остановить её стремления вернуться на российский престол.

Отметим, что некоторые современные историки сомневаются в подлинности этих дневниковых записей и считают не-

⁴ Козляков В.Н. *Марина Мнишек / Биографии и мемуары: Жизнь замечательных людей.* — М.: Молодая гвардия, 2005. — [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=160059&p=93>

⁵ Здесь и далее: Карамзин Н.М. *История государства Российского.* — [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.karamzin.net.ru>.

⁶ *Энциклопедия Брокгауза и Эфрона.* — [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz>.

⁷ *Дневник Марины Мнишек.* — [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.hrono.info>.

достоверными многие события её жизнеописания, например, В.Н. Козляков отмечает: «Она была полькой, но осталась в памяти русской царицей. Сохранился приписываемый ей «Дневник», но страниц этого «Дневника» никогда не касалась ее рука. Она имела нескольких мужей, но они на самом деле не были ее мужьями. Она жила в домах, в которых никогда не бывала. Ее смерть связывают с заточением в «Маринкиной башне» Коломенского кремля, но умерла она совсем в другом месте... «Девка-иноземка» из народных песен, обернувшаяся сорокой, она выступает в русских былинах подручницей Змея-Горыныча – а ведь ее небесной покровительницей была Святая Дева Мария! Всего девять дней пробывшая на русском престоле, она в течение девяти лет – с 1605 по 1614 год – находилась в самом центре своей эпохи»⁸.

Тем не менее, Н.М. Карамзин, заложивший традиции восприятия и оценки образа и роли Марины Мнишек в российском историческом дискурсе, описывал Марину как юную прелестницу, которая была честолюбива и легкомысленна до безрассудства, а основными мотивами, толкнувшими её замуж, стали алчность и честолюбие её отца. Н.М. Карамзин, опираясь на доступные ему исторические документы, подробно перечисляет награды, обещанные Мнишеку в случае прихода Самозванца к власти. Это и великолепные свадебные подарки, и роскошные наряды Марины: «Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугом, была в Русском, красном бархатном платье с широкими рукавами и в сафьянных сапогах; на голове ее сиял венец». Богатство подарков, помпезность церемонии венчания Марины на царство, великолепие свадебной церемонии и размах послесвадебных гуляний – всё это не помогло Марине и Самозванцу стать в глазах москвичей истинными самодержцами России. Историк писал: «Корона Мономахова на главе иноземки, племени ненавистного для тогдашних Россиян, вопияла к их сердцам о мести за осквернение святыни. Так мыслил народ... Россияне видели, слышали и не прощали».

⁸ Козляков В.Н. *Марина Мнишек / Биографии и мемуары: Жизнь замечательных людей.* — М. : Молодая гвардия, 2005. — [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=160059&p=93>

Н.М. Карамзин весьма категоричен в своих оценках, его неприятие вызывают все обстоятельства жизни Марины, например, историк пишет, что, получив подметную грамоту от представителей Лжедмитрия второго, «Мнишек и Марина не колебались. Отечество, безопасность, Вельможество и богатство, еще достаточное для жизни роскошной, не имели для них прелести трона и мщениа; ни опасности, ни стыд не могли удержать их от нового, вероломного и еще гнуснейшего союза с злодейством».

Автор «Истории государства Российского» описывает Марину, используя самые нелестные характеристики: «бесстыдная Марина с своею поруганною красотою», «срамная жена», «театральная Царица», «мнимая честь Марины», «высокомерие Марины», «злосчастная Марина», «Марина вбежала в горницу; пылая гневом, злословила, поносила Короля», «Марина, оставленная мужем и Двором, не изменяла высокомерию и твердости в злосчастии» и т.д.

В драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» Марина Мнишек представлена не как роковая злодейка, а как романтическая авантюристка. Она прелестная и надменная красавица, о которой один из кавалеров, присутствующих на балу в замке воеводы Мнишека, отзывается нелестно: «Да, мраморная нимфа: // Глаза, уста без жизни, без улыбки...». Сама Марина, по замыслу А.С. Пушкина, зная о своих достоинствах, мгновенно выполняет поставленную отцом задачу – очаровывает знатного гостя: «А какова, скажи, моя Марина? / Я только ей промолвил: ну, смотри! / Не упускай Димитрия!.. и вот / Все кончено. Уж он в ее сетях». На тайном свидании она ждет от Лжедмитрия не признаний в любви и слов восхищения, а обсуждения совместных действий по «возвращению» российского престола: «Стыдись; не забывай / Высокого, святого назначенья: / Тебе твой сан дороже должен быть / Всех радостей, всех обольщений жизни, / Его ни с чем не можешь ты равнять. / Не юноше кипящему, безумно / Плененному моею красотой, / Знай: отдаю торжественно я руку / Наследнику московского престола, / Царевичу, спасенному судьбой». Полная решимости Марина представляет свою роль в грядущих событиях так: «я решилась / С твоей судьбой и бурной и неверной / Соединить

судьбу мою... / Чтоб об руку с тобой могла я смело / Пуститься в жизнь – не с детской слепотой, / Не как раба желаний легких мужа, / Наложница безмолвная твоя, / Но как тебя достойная супруга, / Помощница московского царя». Она мыслит себя равной мужу и достойной царской короны. Даже признание Лжедмитрия в самозванстве не смущает её, а лишь усиливает желание добиться заветной цели – трона московского. По окончании тайного свидания Самозванец так отзывается о Марине: «И путает, и вьется, и ползет, / Скользит из рук, шипит, грозит и жалит. / Змея! змея! – Недаром я дрожал. / Она меня чуть-чуть не погубила». Нелестное сравнение Марины со змеей автор вложил в уста влюбленного в неё Самозванца, что весьма показательно характеризует представление А.С. Пушкина о человеческих достоинствах героини.

С традиционным, закрепленным в культурно-историческом дискурсе и фольклоре представлением о Марине Мнишек как о «безбожнице сороке», «колдунье», спорит А.А. Ахматова в стихотворении «Невидимка, двойник, пересмешник». Поэтесса создает трагический образ испуганной и мятущейся птицы, оплакивающей любимых и близких.

*Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в черных кустах,
То забьешься в дырявый скворешник,
То мелькнешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни
«Я сегодня вернулась домой
Полюбуйтесь, родимые пашины,
Что за это случилось со мной
Поглотила любимых пучина,
И разрушен родительский дом.*

Ещё более сложный и многомерный образ польской пани создает М.И. Цветаева. Поэтесса трансформирует образ героини, делая его глубже и содержательнее, наделяя Мнишек чертами не только трагическими, но и романтическими, приписывая ей роль не статистки, а активной героини исторического процесса – самостоятельной, сильной и неоднозначной красавицы.

Притягательность образа польской авантюристки объясняется и тем, что Марина Цветаева отчасти ассоциировала себя

с нею, считая, что названа в её честь: «панна польской / Я именем зовусь»; «Как трех Самозванцев в браке / Признавшая тезка»; «Такова у нас, Маринок, / Спесь, – у нас, полячек-то»; «Правит моими бурями / Марина – звезда – Юрьевна, / Солнце – среди – звезд»; «Марина! Царица – Царю... Славное твое имя / Славно ношу». Более того, польское происхождение лирической героини или персонажей произведений раннего периода творчества М.И. Цветаевой неоднократно осмысливается как примета их избранности, особенности: «Моих прабабушек-полячек / Сказалась кровь»; «Но вал моей гордыни польской»; «Из Польши своей спесивой / Принес ты мне речи льстивые, / Да шапочку соболиную, / Да руку с перстами длинными, / Да нежности, да поклоны, / Да княжеский герб с короною». Описывая Царь-Девуцу в одноименной поэме, автор лишь однажды проговаривается о происхождении мучимой страстями героини: «Стоит полоняночка / На башенной выщечке. / Связалась, беляночка, / С тем самым с мальчишечкой». Особенно яркий образ двадцатилетней польки представлен в стихотворении «Бабушке». «Продолговатый и твердый овал» «ледяного лица», «надменные губы», «Темный, прямой и взыскательный взгляд. / Взгляд, к обороне готовый» – весь облик юной польки, запечатленный в поэтическом портрете, подчеркивает силу её характера, мощь невоплощенных страстей: «Сколько возможностей вы унесли, / И невозможностей – сколько? – / В ненасытимую прорву земли / Двадцатилетняя полька!». Страсти, продолжающие бушевать в душе внучки – лирической героини М. Цветаевой: «– Бабушка! – Этот жестокий мятеж / В сердце моем – не от вас ли?». Любопытно, что стремление барышень рубежа 19-20 веков найти польские корни достаточно типично: «Каждая красивая русская девушка утверждала, что ее бабушка была полькой. Мифическая польская бабушка была знаком не только утонченной красоты, но и аристократизма»⁹.

Основу образа Марины Мнишек, созданного поэтической фантазией М.И. Цветаевой, составляют традиционные для русского культурно-исторического дискурса представления

⁹ Ерофеев В. *Будь я поляком...* / В. Ерофеев // Московские новости. – 1995. – № 36.

о гордой, спесивой и свободолюбивой польской красавице. Однако поэтесса интерпретировала перипетии судьбы Марины Мнишек не исторически, а эстетически, создав сложный и трагический образ лирической героини. Её глубина и многомерность отражена в поэтическом цикле «Марина» и в отдельном стихотворении «Димитрий! Марина!» (1915-1916 гг.).

В первом стихотворении цикла «Марина» поэтесса, нанизывая метафорические эпитеты, создает идеальный образ лирической героини, подчеркивает её абсолютную преданность возлюбленному, готовность пожертвовать всем ради его благополучия: «Быть голубкой его орлиной! / Больше матери быть, – Мариной! / Вестовым – часовым – гонцом – / Знаменосцем – льстецом придворным! / Серафимом и псом дозорным / Охранять непокойный сон»; способность стать тенью любимого, сопровождая его повсюду и разделяя с ним все тяготы жизни: «Ногу в стремя! – сквозь огонь и воду! / Где верхом – где ползком – где вплавь! / Тростником – ивняком – болотом... / Не подругою быть – сподручным! / Не единою быть – вторым! / Близнецом – двойником – крестовым / Стройным братом, огнем костровым, / Ятаганом его кривым». Помимо этого героиня наделяется чертами колдуньи, ведьмы: в дорогу она отправляется «сальных карт захватив колоду», а все препятствия способна преодолевать «черным вихрем летя беззвучным». Даже в час смерти и в судный день она не может быть разлучена со своим возлюбленным – все обстоятельства жизни и истории должны подчиниться силе их любви.

Второе стихотворение разительно отличается от предыдущего, эстетическая интерпретация в данном произведении подчинена требованиям исторической достоверности. Героиня называется Лжемариной и это слово становится лейтмотивом текста: она «трех Самозванцам жена, / Мнишка надменного дочь», её история – история несбывшихся возможностей и невыполненного долга («Ты – гордецу своему / Не родившая сына...», «Ты, гордецу своему / Не махнувшая следом»), история предательства и трусости женщины, не способной на любовь и самопожертвование («На роковой площади / От оплеух и плевков / Ты, гордеца своего / Не покрывшая телом... / В маске дурацкой лежал, / С дудкой кровавой во рту. / – Ты, гордецу

своему / Не отершая пота...»). Такая женщина достойна, по мнению поэтессы, лишь проклятья: «– Своекорыстная кровь! – / Проклята, проклята будь / Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной!».

Любовь Марины Мнишек и Григория Отрепьева (Лжедмитрия I) представлена в третьем стихотворении рассматриваемого цикла как краткий миг («краткая встряска костей о плиты») между встречей «– Сердце, измена! / – Но не разлука! / И воровскую смуглую руку / К белым губам» и смертью героев «– И – повторенным прыжком – / На копья!».

Заканчивает цикл стихотворение, в котором изображена узнаваемая по драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» сцена тайного свидания Марины и Самозванца. М.И. Цветаева предлагает эстетическую интерпретацию характеров героев, существенно отличающуюся от исторической и прецедентной. Лирическая героиня, «ясновельможна панна», скромна («– Чем заплачу за щедроты... Что-то ответило: – Жизнью!») и религиозна, мыслит свой выбор как служение Богу («В каждом пришельце гонимом / Пану мы Иезусу – служим...»). «Горсть неподдельных жемчужин» – бусы, которые она держала в руках, вдруг рассыпаются, предрекая слезы героини. Выдает её истинные намерения лишь мнимое замешательство и зоркий, цепкий взгляд из-под ресниц: «Мнет в замешательстве мнимом / Горсть неподдельных жемчужин... Каждой ресницей нацелясь, / Смотрит, как в прахе елозя, / Их подбирает пришелец». Образ Самозванца, ползающего в прахе и собирающего жемчужины – будущие слезы Марины, становится вызовом пушкинскому сравнению Марины со змеей, вложенному в уста Самозванца.

В стихотворении «Дмитрий! Марина!» поэтесса эстетически интерпретирует историю, утверждая, что Марина Мнишек и Отрепьев соединены навек грешной любовью и мятежной судьбой, царской гордыней и даже одной «двусмысленной звездой» над люлькой, над ложем, над троном: «Согласнее нету ваших / Единой волною вскинутых, / Единой волною смытых / Судеб! Имен!». Поэтесса воспекает «злую красу... Лик без румянца» Марины Мнишек, которая, вопреки исторической достоверности, разделила в этом стихотворении с Лже-

дмитрием I судьбу и смерть. Чернокнижница Марина обрекла себя на смерть ещё и тем, что отказалась от Божьей помощи («крест золотой скинула»), и тотчас ангел-хранитель покинул её: «Знать, уже делать нечего, / Отошел от ее от плечика / Ангел, – пошел несть / Господу злую весть: / – Злые, Господи, вести! / Загубил ее вор – прелестник!». Преданные всеми и принявшие мученическую смерть Марина и Лжедмитрий достойны, по мнению поэтессы, прощения и поминовения: «Марина! Дмитрий! С миром, / Мятежники, спите, милые. / Над нежной гробницей ангельской / За вас в соборе Архангельском / Большая свеча горит».

В записях из черновых тетрадей М.И. Цветаевой есть оригинальные размышления о мотивах, которыми руководствовалась Марина Мнишек, соглашаясь на замужество и венчание на царство. На заданный самой себе вопрос поэтесса отвечает, что Мнишек искала: «Власти несомненно, но – какой? Законной или незаконной?». Последующие размышления написаны с позиции представлений об исторической достоверности: «Если первой – она героиня по недоразумению, недостойна своей сказочной судьбы. Проще бы ей родиться какой-нибудь кронпринцессой или боярышней и просто выйти за какого-нибудь русского царя» и поэтической мифологии М. Цветаевой: «С грустью думаю, что искала она первой, но если бы я писала... / (то написала бы себя, т. е. не авантюристку, не честолюблицу и не любовницу: себя – любящую и себя – мать. А скорее всего: себя – поэта)... И возвращаясь к себе, с улыбкой: стремись я только к законной власти – ищи я только приключений – держи я в глазах только опоясание Руси – непременно – волей судеб (т. е. всей себя) я бы кого-нибудь из трех самозванцев полюбила. / А м. б. и всех троих. / Точно мать мне это имя дала – как противоядие»¹⁰.

Яркая, бурная и короткая жизнь Марины Мнишек волнует поэтессу и побуждает вновь и вновь обращаться к образу прекрасной польки. Известная авантюристка обретает в поэти-

¹⁰ Цветаева М. *Сводные тетради. Тетрадь первая*. – [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://tsvetaeva.lii-info.ru/tsvetaeva/proza/tetrad/tetrad>.

ческом мире М.И. Цветаевой то черты демонической и холодной красавицы, то страстной любовницы, то нежной романтической возлюбленной, то трагической жертвы обстоятельств. Способность воплотить крайние проявления характера, изобразить сильные чувства и яркие эмоции лирической героини – вот отличительная черта поэтического идиостиля М.И. Цветаевой.

Очевидно, что поэтически осмысленный, эстетически трансформированный и романтизированный образ Марины Мнишек гораздо более интересен и многогранен, чем исторически достоверный. В культурно-историческом дискурсе Марина Мнишек представляется лишь честолюбивой авантюристкой, любовницей сомнительных личностей и статисткой грандиозной исторической драмы Смутного времени.

**AESTHETIC METAMORPHOSES OF HISTORICAL AUTHENTICITY:
THE IMAGE OF MARINA MNISHEK
IN THE EARLY WORKS OF M. TSVETAEVA**

The author argues that the image of the Polish ‘Pani’ in the Russian cultural-historical discourse is formed under the influence of Marina Mnishek, the character of Russian history of the early 17th century. Historical description and evaluation of the individual are given in the works of N.M. Karamzin, aesthetic interpretation and transformation of the image are presented in A.S.Pushkin’s drama ‘Boris Godunov’ and in the poetry of A.A. Akhmatova and M.I. Tsvetaeva. The image of Mnishek created in the early lyric of M.I.Tsvetaeva demonstrates a key feature of author’s idiosyncrasy, reality is difficult to interpret and transform aesthetically.

Key words: cultural-historical discourse, aesthetic interpretation, lyrical heroine, poetic idiosyncrasy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабенко Иннеса Игоревна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе.

Томский государственный педагогический университет (Россия, г. Томск).

Область научных интересов: коммуникативная стилистика текста, дискурс анализ, когнитивная лингвистика.

ABOUT THE AUTHOR

Babenko Innesa, PhD in Philology, Tomsk State Pedagogical University (Russia, Tomsk).

Scientific interest: communicative stylistics, discourse analysis, cognitive linguistics.

e-mail: innes@bk.ru